

ИРИНА ГРЕЧАНИК

ОСТАТЬСЯ САМИМ СОБОЙ

ФИЛОСОФСКАЯ МЕТАКРИТИКА ЮРИЯ ПАВЛОВА

Ю. М. Павлов. Критика XX–XXI веков: Литературные портреты, статьи, рецензии. М.: Литературная Россия, 2010 г.

При знакомстве с книгой Юрия Павлова и ее ведущими идеями мне вспомнились слова В. В. Розанова: “Достоевского я читал как родного, как своего...”. И дело не столько в полном приятии транслируемых мыслей, сколько в подспудном иррациональном ощущении чего-то выверенного, настоящего – такого, чему сразу даешь право на жизнь, чему потом можно посвятить время, чтобы логически достраивать и “додумывать”, – и, как ни странно, упрямый ум впоследствии всегда подтверждает верность первого спонтанного чувства.

Несмотря на кажущуюся необычность оценок или суждений, на многочисленные утверждения о “спорности” или “ошибочности” взглядов критика мы не найдем ни одного места в его книге, которое подлежало бы дисквалификации за подтасовку фактов или называние “черного” – “белым”. Энциклопедическая точность, быстрота реакции, отсутствие описательности, смелость, редкий дар называть вещи своими именами – без утаиваний и подтекста – вот характеристика “литературного портрета” самого Ю. Павлова. Нелишне будет добавить, что некоторые из упомянутых качеств сегодня считаются мветоном. И так, перед нами настоящий критик – трезво мыслящий, живой, неравнодушный, чутко откликающийся на явления современности, вдумчиво анализирующий факты уходящей действительности.

Заслуга Ю. Павлова и в том, что многие статьи его книги повествуют о ныне действующих литераторах – а всегда трудно писать “о живых”, о тех, кто еще сегодня творит и смотрит тебе в глаза – готовый опровергнуть неосторожное слово или неверную оценку, кто еще не поставил последней точки, кто активно развивается.

Открывается книга интереснейшим и нестандартным размышлением о Василии Розанове, без которого, по слову Ю. Павлова, “любой серьезный разговор о литературе, истории, России немислим”. В связи с именем философа звучат имена Ф. Достоевского, К. Леонтьева, Н. Страхова. Смысловыми точками, задающими линию жизненного и творческого пути автора “Опавших листьев”, становятся религиозно-церковная культура, восприятие личности через Бога, через “культы” семьи, дома, народа, Родины.

Добавляя свои штрихи к портрету В. Кожинова, Ю. Павлов упоминает В. Розанова и М. Бахтина как мыслителей, определивших творческую судьбу Вадима Валериановича, – таким образом, становится понятна логика расположения статей в книге. Несмотря на то, что в основе статьи о В. Кожинове,

по признанию Ю. Павлова, “лоскутное одеяло” из статей и набросков предыдущих лет, обнаруживаем целостный исследовательский пласт. Обращают на себя внимание детали, воспроизводящие обстановку замалчивания 60-летия В. Кожина. Отталкиваясь от них, с уверенностью можно сказать, что автор книги был одним из тех, кто уже в 80-е годы оценил масштаб личности В. Кожина и более того – подтвердил это делом, еще тогда написав первую статью о нем. Рассматривая этапы становления В. Кожина-мыслителя, Ю. Павлов старается подходить к фактам биографии критика непредвзято, затрагивая и “запретные” темы, например, вопрос русско-еврейских отношений. На фоне портрета главного героя – В. Кожина – даны оценки и характеристики многим явлениям литературы, истории и философии.

Статьей о Михаиле Лобанове опрокинуто мнение о том, что в современной критике нет подлинных богатырей, людей, у которых совпадают слово и дело. Ведущий идеолог “русской партии”, М. Лобанов через свою личную творческую судьбу пронес чувство сопричастности судьбе народной, религиозно-духовное восприятие мира. Это отчетливо просматривается в сравнениях с современниками. Мера, которую меряют события, людей, собственную жизнь М. Лобанов и, например, Ст. Рассадин, – разная, и для каждого она в той или иной степени определяет их личную судьбу. В этом легко убедиться. Принцип “писать с любовью” воплотился во всех работах М. Лобанова, “не покидавшего передовую” отечественной литературы, – не случайно статья Ю. Павлова продолжает этот принцип, только уже применительно к самому М. Лобанову.

Образцом принципиального подхода к фактам литературы служит статья Ю. Павлова, анализирующая размышления одного “эстетствующего интеллигента” о В. Маяковском. Те самые розановские “мелочи”, из которых складывается целое, позволяют читателю составить “общее представление о времени, Маяковском, о многом и многих”. Хлестаковскому подходу к оценкам русской литературы, “сарновской “лапше” Ю. Павлов противопоставляет работы В. Дядичева и других честных и непредвзятых исследователей.

Прослеживая творческий путь “одного из лучших критиков второй половины XX века”, И. Золотусского, Ю. Павлов попутно затрагивает проблемы сути критики, ее разновидностей, свободы и самостоятельности мысли. Отмечая колоссальную работоспособность и весомый вклад И. Золотусского в историю русской критики, Ю. Павлов поверяет работы мыслителя временем, отмечая несомненные заслуги автора книги о Гоголе, его смелые, точные высказывания о литературе в многочисленных статьях, однако приводит и некоторые суждения критика о политических и культурных деятелях XX века, вызывающие принципиальное несогласие. На поставленные вопросы Ю. Павлов дает собственные аргументированные ответы, предвидя, впрочем, что они вызовут отрицательную реакцию как И. Золотусского, так и многих других.

Сквозь разговор о веке XX в книге проступают голоса из XIX века: К. Аксакова, А. Хомякова, Н. Страхова и других, – “услышанность” которых стремится усилить Ю. Павлов. Так, например, суждения В. Лакшина о воле и неволе, применительно к “лагерной прозе”, проходят “проверку” мыслями К. Аксакова, изложенными в статье “Рабство и свобода”, а в целом творчество потенциального преемника А. Твардовского на посту главного редактора “Нового мира” – отношением к народу, русской литературе и истории. В отличие от тех, для кого В. Лакшин остался вечно “левым”, Ю. Павлов сумел увидеть свидетельства “поправения” критика на краю земной жизни. Интересно сравнение творческого пути В. Лакшина с линией развития мировоззрения В. Белинского, которого друзья-западники перед смертью упрекали в “тайном славянофильстве”. Такая чуткость к твоим работам – редкий подарок, выпадающий не всякому литературному критику. В связи со сказанным хочется привести одно из признаний автора книги: “Я 20 лет пишу преимущественно “в стол”...”. Будет ли прочитан Ю. Павлов – критик и литературовед, – столь внимательный к чужим книгам?

В статье о Ю. Селезневе – одном из самых заметных критиков 70–80-х гг. XX века, – Ю. Павлов выдвигает на первый план “незаметные” или искаженные страницы его творческой биографии, во-первых, подчеркивая, что еще в годы обучения на историко-филологическом факультете Краснодарского пединститута Юрий Иванович “выделялся среди студентов обширнейшими и разносторонними знаниями, полемическим даром”; во-вторых, отмечая,

что вся последующая литературная деятельность могла взойти только на “краснодарской почве”; в-третьих, обозначая большую положительную роль В. Кожина в судьбе критика; в-четвертых (а по смысловому наполнению – во-первых), справедливо утверждая, что в критических статьях, книгах, на посту редактора серии “ЖЗЛ”, на путях к постижению Ф. Достоевского и всей русской литературы Ю. Селезнев был настоящим подвижником, человеком принципиальной честности и колоссальной работоспособности. Рассматривая отношение к Ю. Селезневу, выразившееся в мемуарах и статьях современников, Ю. Павлов выделяет высказывания Ю. Лошица, А. Казинцева, точно уловивших сущность этого “витязя, русского защитника, заступника” и указывает на фактографические неточности, неувязки в статьях и мемуарах А. Разумихина и С. Викулова.

Создавая литературно-критические портреты, Ю. Павлов всегда обращается “к истокам” личности – выявляет скрытые или явные причины, заставившие критика вступить на тот или иной путь. По такому же принципу создан образ “ударника критического труда” В. Бондаренко. Критик, побиваемый своими и чужими за широту взглядов, за обращение к крамольным именам из “чужого” лагеря был пронзительно назван “врачевателем любовью” за попытки найти родственные души и тягу к свету в тех, кого давно зачислили в “литературные тролли”. И пусть с иронией говорит Ю. Павлов о необходимости литературной “порки”, “размазывания”, “убивания” – в действительности он совершает обратное: возрождает, защищает и обеляет незаслуженно очерненное.

Литературный портрет А. Казинцева отражает многочисленные грани внутреннего мира этого незаурядного мыслителя, назвавшего критику “искусством понимания”, и является не только ответом А. Немзеру, С. Чупринину и другим “принципиально неадекватным” в оценке А. Казинцева, но и еще одним точным штрихом в исследовании литературного процесса, утверждающим художественность, не замутненную социальностью, не искореженную перекосом в сторону формализма. Осмысливая различные рассуждения А. Казинцева о тех или иных авторах, Ю. Павлов вычленяет единый закономерный критерий, применимый к отечественной литературе – “русская матрица”. Вне ее оказываются национальный эгоцентризм В. Гроссмана, видящего в истории первой половины XX века, переполненной трагедиями разных народов, исключительно еврейскую трагедию; “игра на понижение” и искусственность творчества В. Маканина последних десятилетий; “новая мифология” А. Вознесенского, Е. Евтушенко, А. Рыбакова, В. Войновича, В. Аксенова, И. Бродского, А. Дементьева и др. Возвращение в лоно критики сегодняшнего публициста А. Казинцева – надежда Ю. Павлова, которую, возможно, не оставит без внимания герой его статьи.

Уважением к таланту и преданности русскому делу проникнут портрет Сергея Куняева, посвятившего свою литературную судьбу восстановлению истинной истории русской литературы XX века. Серьезная работа в архивах легла в основу уникальных материалов, переворачивающих штампованные версии событий 1920-х – 30-х гг. Открытие имен Павла Васильева, Алексея Ганина, Пимена Карпова, Василия Наседкина и др., максимально приближенная к реальности история жизни и смерти С. Есенина, точные оценки творчества Н. Тряпкина, В. Крупина, Л. Бородина, В. Галактионовой, немедленные отклики на явления современности – это и многое другое, выходящее из-под пера Сергея Куняева, вместили страницы “Нашего современника” и других изданий. Верным служителем отечественной литературе, “русскому делу” с “редкой для нашего времени верой в Слово и Человека” вырастает перед нами фигура С. Куняева. И становится очевидной неизбежность перемен, вызванных его подвижнической деятельностью.

О катастрофическом положении современного есениноведения, идеологических перекосах, небрежности и намеренных искажениях творческого пути одного из самых любимых русских поэтов говорит Ю. Павлов в статье “Есениноведение сегодня”. Несмотря на весь абсурд пародийно-уничтожительной гиппиусовской формулы “Пил, дрался – заскучал – повесился”, многочисленные “воспоминания” и литературоведческие изыски воспроизводят именно эту издевательскую схему, умножающую на ноль наследие русского гения. Рассматривая вопросы тайны смерти С. Есенина, об отношении поэта к России, к политике, к существующей власти, критик приводит примеры иног –

философско-метафизического, православного подхода, осуществленного в работах Ст. и С. Куняевых, Ю. Мамлеева, М. Нике, Ю. Сохрякова, Н. Зуева, А. Гулина и др., способных служить образцом лучших традиций отечественной мысли.

В статье “Дмитрий Быков: Чичиков и Коробочка в одном флаконе” подчеркивается “шестидесятничество” автора книги о Пастернаке. Ю. Павлов дает исчерпывающе точные характеристики как “зеркалам” Бориса Пастернака – М. Цветаевой, А. Блоку, В. Маяковскому, А. Вознесенскому, так и его героям – Юрию Живаго, в первую очередь.

На примерах многочисленных фактографических, логических и прочих ошибок Ю. Павлов вскрывает “фантазийную основу” суждений Дмитрия Быкова и его “ПТУшный уровень” знания литературы. Критик защищает от комментариев Быкова “одного из самых достойных государственных мужей России XIX века” – Константина Победоносцева, напоминая, что за время его правления число церковных школ в России увеличилось с 73 до 43 696, а количество обучающихся в них выросло в 136 раз; Ю. Павлов указывает на забытое сегодня, а именно: то, что Обер-прокурор Святейшего Синода уже в свое время точно определил суть либеральной демократии.

Надо сказать, что в отличие от остальных критиков, получивших в книге “Критика XX–XXI вв.” по одному литературному портрету, премированный “трудоголик” Дмитрий Быков, вероятно, сообразно объему написанных им за довольно короткий период “кирпичей”, посвященных кумирам интеллигенции – Б. Пастернаку и Б. Окуджаве, – оказывается в центре сразу двух статей Ю. Павлова. Нетрудно понять, что импульсом к созданию этих работ послужило возмущенное “не могу молчать” – как реакция на искажение ценностей отечественной литературы, на искажение фактов русской истории.

В статье “Дискуссия “Классика и мы”: тридцать лет спустя” Ю. Павлов призывает видеть в классике не “критический-критикующий” реализм, а “духовную реальность”, напоминая о завете М. Лобанова постигать литературу через высшие устремления души, искать “не обличение, а (...) глубину духовно-нравственных исканий, жажду истины и вечных ценностей”. На красноречивых примерах творчества Э. Багрицкого, В. Маяковского, Вс. Мейерхольда, Д. Самойлова автор статьи проводит мысль о том, что и более чем через тридцать лет не утрачивают своей значимости высказывания Ст. Куняева, М. Лобанова, С. Ломинадзе, И. Роднянской; что, формально завершившись 21 декабря 1977 года, дискуссия о классике и о русской литературе продолжается и не может быть окончена, поскольку мир между “завоевателями”, “маркитантами” и защитниками духовного наследия отечественной культуры невозможен.

Троящаяся личность А. Твардовского вырастает сквозь призму реалий того времени, в преломлении воспоминаний В. А. и О. А. Твардовских, статьи В. Огрызко. Ю. Павлов комментирует разночтения и дает ответы на спорные вопросы, возникающие при обращении к фигуре бывшего редактора “Нового мира”. Автор “Страны Муравии”, помещенный в один ряд с создателями “Погорельщины”, “Котлована”, “Истории дурака” заметно проигрывает и в смелости, на которой настаивают В. А. и О. А. Твардовские, и в объективности, о чем свидетельствует в конце жизни сам А. Т. Твардовский. Снимаются и другие наслоения румян, “высокие скороговорки”, адресованные редактору новомировской вотчины. В этом приходят на помощь “Рабочие тетради” А. Твардовского и проверенные по разным источникам свидетельства современников.

Отклик Ю. Павлова на книгу В. Пьецуха “Русская тема” носит подзаголовок “Сборник мерзких анекдотов”. Книга видится критику очередным звеном в дискуссии о классике, заново вспыхнувшей в последнее десятилетие, очередным залпом, дискредитирующим лучших представителей русской литературы. Пафос рецензии Ю. Павлова на В. Пьецуха напоминает пафос И. Ильина, защищающего А. Пушкина от желающих узреть его “малость и мерзость”, свести жизнь гения к серии анекдотов. А еще возникает в памяти ответное слово А. Синявскому Р. Гуля “Прогулки хама с Пушкиным” – такое же протестное слово тем, в ком неукротима тяга увидеть в русской жизни не поэзию, а уродство, предмет для насмешек, “тзму египетскую”. В каком-то смысле книга Пьецуха и есть “прогулка хама по садам российской словесности”, хама, пытающегося насадить мифы о всеобщей нелюбви к Достоев-

скому, о есенинской страсти к самоубийству, о подпольно-антисоветском “колобке”–Пришвине. И снова, как в случаях с Б. Сарновым, Д. Быковым, вскрыты Ю. Павловым предсказуемые русофобские схемы, вопиющие неточности, вольные интерпретации, преподнесенные “глупо, бесчестно, непрофессионально”, без всякого серьезного обращения к художественным текстам. Не без иронии замечает критик, что разницы между условным “убогим”, играющим, прикидывающимся Пьецухом в маске и Пьецухом–”просвещенным” автором совершенно не ощущается.

Противоречивое отношение к учебнику М. Голубкова “История русской литературной критики XX века” высказано Ю. Павловым в рецензии с подзаголовком “Удачная неудача”. Озвучивая единственную относительную удачу этой неудачной книги, Павлов делает попытку “выправить” воссозданный М. Голубковым литературный процесс 1960–1970-х гг., добавляя недостающие штрихи и линии, недостающие имена, устраняя фактические ошибки, очевидные алогизмы, и отказывается от дальнейшего подробного разбора учебника ввиду несоответствия его ни заявленному разделу литературоведения (учитывая различия между историей критики и историей литературы), ни необходимой научной кондиции.

Герои книги, “живущие” в разных статьях, будто бы связаны между собой незримыми нитями. То там, то здесь возникают В. Розанов, В. Кожинов, Ст. Куняев, С. Куняев, М. Лобанов, В. Бондаренко и др. в связи с тем или иным явлением, с той или иной фигурой. Это говорит о целостности литературного пласта русской критики, взятого Ю. Павловым и помещенного под одну обложку. Фактически, он и сам – один из тех, кто определяет литературный процесс сегодня. По ссылкам на различные статьи, книги, прочие источники, приводимым Ю. Павловым в качестве иллюстраций к различным темам, можно изучить не только историю критики, но и историю русской литературы XX века. Это чтение наполняет энергией, дает духовный заряд, просветляет душу и приводит в порядок мысли, учит культуре литературно-критического мышления и вдохновляет на занятия критикой.

Каждая статья Ю. Павлова – миниатюрная диссертация, обоснованное и фактоемкое полноценное исследование, в сжатом виде представляющее итог большой работы – глубокого и серьезного проникновения в тему. Сейчас подобные системные и качественные исследования встречаются не во всяких диссертациях. Такая книга – приговор тем критикам, которые строят свои доказательства на одной цитате и ловле “словесных блох” в текстах коллег. Если использовать классификацию И. Золотусского, то метакритику Ю. Павлова можно отнести к философской. Тем, кто говорит о критике как о вторичных проявлениях, исходящих от неудавшихся писателей, можно предъявить книгу “Критика XX–XXI веков”, в которой есть подлинная философия, подлинная литература, ответы на важнейшие вопросы и требования современной русской жизни.

Упомянутые в книге В. Кожинов и А. Твардовский считали критический дар более редким, нежели писательский. И сегодня, когда доля книг, посвященных русской критике, по отношению к колоссальному потоку прозы вероятно мала, мы отмечаем выход книги Ю. Павлова “Критика XX–XXI веков: Литературные портреты, статьи, рецензии” как значительную веху современного литературного процесса. Эта книга – ответ на вопрос: что получится, если быть критиком-профессионалом и в применении своих принципов руководствоваться не полумерами и соображениями минутного удобства, не боязнь непонимания или привычными стереотипами, а быть честным и последовательным до конца, оставаясь самим собой.